

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

НЕВЕРОЯТНО

Кэтрин Бу

ОБЛАДАТЕЛЬ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

...

В ТЕНИ
ВЕЧНОЙ
КРАСОТЫ

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ И ЛЮБОВЬ В ТРУЩОБАХ МУМБАЯ

БОМБОРА^{TM}

Москва 2020

УДК 159.9
ББК 88.53
Б90

Katherine Boo
BEHIND THE BEAUTIFUL FOREVERS:
LIFE, DEATH, AND HOPE IN A MUMBAI UNDERCITY

Copyright © 2012 by Katherine Boo.
This translation is published by arrangement with Random House,
an imprint of The Random House Publishing Group, a division of
Random House, Inc.

Перевод *И. Крейниной*
Художественное оформление *П. Петрова*
Фото на обложке *Alessandro Masi*

Бу, Кэтрин.
Б90 В тени вечной красоты. Жизнь, смерть и любовь в трущобах Мумбая / Кэтрин Бу ; [пер. с англ. И. А. Крейниной]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. — (Книги, о которых говорят).

«В тени вечной красоты» Кэтрин Бу — лучшая книга 2012 года, по мнению более 20 авторитетных изданий. Мусорщик Абдул, содержащий семью из 11 человек, красавица Манджу, которая слишком хороша для местных женихов, хромоногая Фатима, решающая отомстить ненавистным соседям самым жутким способом, — эти и другие герои живут в трущобах, беднейшем квартале Индии, расположенном в тени ультрасовременного аэропорта Мумбая. У них нет настоящего дома, постоянной работы и уверенности в завтрашнем дне. Но они хватаются за любую возможность вырваться из крайней нищеты, и их попытки приводят к невероятным последствиям...

УДК 159.9
ББК 88.53

ISBN 978-5-699-73079-7

© Крейнина И.А., перевод
на русский язык, 2014
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Сунилу Хилнани и Сунилу Шарме,
научившим меня
никогда не сдаваться.

Содержание

ПРОЛОГ:	<i>среди роз</i>	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	<i>обитатели трущоб</i>	33
Глава 1.	Аннавади	35
Глава 2.	Айша	59
Глава 3.	Сунил	83
Глава 4.	Манджу	115
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	<i>самосожжение как бизнес</i>	149
Глава 5.	Дом-призрак	151
Глава 6.	Дыра, которую она звала окном	173
Глава 7.	Крах	195
Глава 8.	Наставник	225
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	<i>немного безумия</i>	253
Глава 9.	Чудеса перевоплощения	253
Глава 10.	Попугай	283
Глава 11.	Добрый сон	307

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ <i>вверх и в стороны</i>	319
Глава 12. Девять ночей танца	321
Глава 13. Блестящие побрякушки	343
Глава 14. Суд	359
Глава 15. Лед	379
Глава 16. Черное и белое	391
Глава 17. Школа, больница, поле для крикета	411
от автора	429
благодарности	443
об авторе	445

пролог: среди роз

17 июля 2008 г., Мумбаи¹

БЛИЗИЛАСЬ ПОЛНОЧЬ. Остатки одежды сгоревшей одноногой женщины тлели во дворе. Мумбайская полиция рыскала в поисках Абдула и его отца. В жалкой хижине среди трущоб, притулившихся недалеко от международного аэропорта, прошло экстренное совещание родителей Абдула. Они были на удивление скупы на слова, когда вынесли свой вердикт. Больной отец останется здесь, в этой наскоро сколоченной из всякого попавшегося под руку хлама хибаре с металлической крышей, в которой ютилось семейство из одиннадцати человек. Он будет ждать, пока за ним придут, и безропотно последует за полицейскими, когда его арестуют. А вот сын, кормилец и добытчик, должен бежать.

Что думает сам парень об этом плане, не принималось во внимание. Впрочем, как всегда. Да к то-

---

¹ Мумбаи (старое название — Бомбей) — один из крупнейших городов Индии, столица штата Махараштра. Расположен на Малабарском (западном) побережье полуострова Индостан. — *Ред.*

му же он был в полном оцепенении от страха. Абдулу недавно исполнилось шестнадцать. А может, девятнадцать? У родителей была плохая память на даты. Аллах по своей непостижимой мудрости создал его невысоким и юрким. «Так и должен выглядеть настоящий трус», — говорил себе Абдул. Он не умел скрываться от полиции. Он разбирался только в сортировке мусора. Сколько себя помнил, все часы бодрствования посвящал одному занятию: покупке отходов, выбрасываемых богатыми и благополучными людьми вещей, и перепродаже их тем, кто занимался переработкой.

Сейчас он понимал, что надо спрятаться, но представить себе не мог, как это делается. Абдул пустился бежать, однако вскоре вернулся домой. В голову не пришло ничего лучше, чем забраться в кучу мусора на своем собственном маленьком складе.

Он толкнул скрипучую дверь семейного жилища и выглянул наружу. Домишко стоял в самой середине трущобного квартала среди таких же лачуг, сооруженных из остатков разных строительных материалов. Кривобокий сарай, служивший складом, был тут же, рядом. Абдулу надо было быстро и незаметно пробраться туда, лишив соседей удовольствия сдать его полиции.

Но луна пугала его. Полная и до безобразия яркая, она освещала пыльный пустой двор перед домом. Напротив виднелись хижины еще двух десятков семей. Мальчику казалось, что в каждой у фанерной двери кто-то стоит и украдкой поглядывает на улицу. Некоторые жители трущоб ненави-

дела Абдула и его родителей по причине старой взаимной неприязни между мусульманами и индустрами. Другие относились к нему и его близким плохо по другим, более современным, экономическим причинам. Они завидовали мусорщику: этот парень, занимавшийся презираемым многими индийцами ремеслом, неплохо по здешним меркам обеспечивал всю большую семью. Его заработок позволил им выбраться из нищеты.

Во дворе все было до странности тихо и спокойно. Здесь, у берегов небольшого пруда с нечистотами, служившего восточной границей трущобного района, поздно вечером обычно всегда царил суматоха. Местные жители дрались, готовили еду, флиртовали, мылись, пасли коз, играли в крикет, толпились возле колонки, выстраивались в очередь возле небольшого борделя. А те, кто вляпался в черную жижу со сладковатым трупным запахом, сочившуюся из-под двери хибары через несколько домов от жилища Абдула, пытались смыть с себя эту грязь и избавиться от вони. Страстям, кипевшим за стенами убогих лачуг в узких проулочках, некуда было выплеснуться, кроме как на этот *майдан*¹. Но после недавно разразившейся здесь драмы и самосожжения женщины, которую местные именовали просто «одноногая», все спрятались в свои дома.

---

¹ М а й д а н — на Востоке и в некоторых славянских и балканских странах (например, на Украине) — центральная площадь деревни, часто используемая как торг. Шире — вообще площадь. — *Ред.*

Сейчас во дворе почти никого не было: лишь несколько полудиких свиней, водяной буйвол и несколько пьяниц с отвислыми животами. Разумным можно было назвать лишь одно присутствовавшее здесь существо — молчаливого мальчонку из Непала. Он сидел у грязного водоема, обхватив руками колени. Его фигура была окутана голубой дымкой: неоновые огни расположившейся на другой стороне пруда роскошной гостиницы отражались в воде и бросали фантастические отсветы на эту худенькую фигурку.

Не беда, если непалец увидит, как Абдул прячется в сарае. Этот мальчик, Адарш, уж точно не подосланный полицией шпион. Он просто любит допоздна сидеть во дворе, спасаясь от ежевечерних припадков ярости, которым подвержена его мать.

Вряд ли Абдулу представился бы более подходящий момент, чем сейчас. Он проскочил в сарай и запер за собой дверь.

Внутри было темно, хоть глаз выколи. По углам с жутковатым шорохом копошились крысы. И все же здесь ему было спокойнее. Склад площадью 110 квадратных метров был завален хламом до хлипкой, вечно протекающей крыши. Но это были его владения; он знал, как с этим управляться. Здесь были пустые бутылки от воды и виски, заплесневелые газеты, аппликаторы от использованных тампонов, смятая фольга, остовы зонтиков, с которых ветром сорвало ткань, шнурки от ботинок, пожелтевшие ватные палочки, кассеты с вывалившейся и запутавшейся магнитной лентой, разо-

рванные пластиковые коробки от поддельных кукол Барби. Где-то в темноте валялись и сами эти фальшивые «Берби» или «Барбли», покалеченные во время жестоких экспериментов, проделываемых избалованными детьми над надоевшими им игрушками. Абдул с годами научился мастерски сортировать свои сокровища, чтобы легче было в них ориентироваться, так что куклы сейчас складированы все вместе в отдельной куче.

Надо быть осторожным, избегать проблем. Так сказать, держаться от греха подальше. Этот жизненный принцип Абдул Хаким Хусейн усвоил так глубоко, что, казалось, он отпечатался у него на лбу. У юноши были глубоко сидящие глаза, впалые щеки, мускулистое и гибкое тело. Именно такая комплекция идеальна для жителя трущоб, которому вечно приходится пробираться через кишачище людьми узкие переулки. Весь он был как-то очень «компактно сбит», за исключением, пожалуй, только оттопыренных ушей и торчащих в разные стороны кудряшек, которые иногда, когда он стирал пот со лба, выглядели по-девичьи трогательно.

Незаметная, позволяющая раствориться в толпе внешность — полезное свойство для обитателя Аннавади, вонючей дыры, застроенной трущобами. Здесь, посреди благополучного западного пригорода индийской финансовой столицы, три тысячи человек ютились друг у друга на головах в трехстах тридцати пяти убогих хижинах. В этом квартале шла вечная ротация — постоянно приез-

жали и уезжали мигранты со всех концов страны. В основном это были индуисты, представители различных каст, цехов, религиозных общин. Верования и традиции соседей были столь разнообразны и причудливы, что Абдул, один из трех десятков мусульман Аннавади, даже не пытался в этом разобраться. Он просто понимал, что отношения в районе непростые, в них много тонкостей и хитросплетений. Тут вообще было много всего разного, старого и нового, и со всем этим надо быть осторожным. Одного нельзя отрицать: **АННАВАДИ – ПРОСТО ЗОЛОТАЯ ЖИЛА ДЛЯ МУСОРЩИКА, УМЕЮЩЕГО ИЗВЛЕКАТЬ ДЕНЬГИ ИЗ ВЫБРАСЫВАЕМЫХ БОГАТЫМИ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ.**

Абдул и его соседи нашли себе приют на земле, принадлежавшей аэропорту и смежным ведомствам. От центрального входа в международный терминал трущобы отделяло лишь широкое шоссе с растущими вдоль него кокосовыми пальмами. Вокруг Аннавади расположились пять пятизвездочных отелей, в которых селились многие из прибывающих в город гостей. Четыре гостиницы представляли собой помпезные каменные строения с роскошным восточным декором. Стены пятой, «Хайат», сплошь были из голубоватого стекла. С верхних этажей этой башни Аннавади и несколько других бедных поселений выглядели как микроскопические деревеньки, притулившиеся между элегантными современными районами.

— Вокруг нас одни розы, — говаривал Мирчи, младший брат Абдула. — Только мы тут, как дерьмо среди роз.

В начале двадцать первого века, когда экономика Индии начала стремительно расти, уступая разве что китайской, вокруг международного аэропорта как грибы стали появляться красивые жилые дома из розового камня и стеклянные башни офисов. Один из комплексов носил простое имя «Самый». Повсюду виднелись краны, возводящие все больше новых зданий. Самые высокие из них уже мешали садиться самолетам, которых тоже становилось все больше и больше. Этот выросший прямо на глазах квартал был окутан дымкой смога и источал благоденствие. При этом его процветание открывало новые перспективы и для ютившихся вокруг полунищих соседей.

Каждое утро тысячи мусорщиков направлялись к новым домам и офисам на поиски добычи. Они шныряли по аэропорту и окрестностям, выискивая все, что можно выгодно перепродать. Каждый из них находил здесь, чем поживиться, — ему выпадало по нескольку килограммов из восьми тысяч тонн отходов, ежедневно производимых в Мумбаи. Эти люди лихо подхватывали смятые пустые пачки от сигарет, которые выбрасывали из окон автомобилей с тонированными стеклами, рыскали по помойкам и сточным канавам в поисках бутылок из-под воды и пива. **КАЖДЫЙ ВЕЧЕР ОНИ ВОЗВРАЩАЛИСЬ В ТРУЩОБЫ, ТАЩА ЗА СПИНОЙ МЕШКИ ИЗ ГРУБОЙ ДЕРЮГИ, НАБИТЫЕ ВСЯКОЙ**

ВСЯЧИНОЙ. ЭТО ПОХОДИЛО НА ФАНТАСТИЧЕСКУЮ ПРОЦЕССИЮ АЛЧНЫХ, ГРЯЗНЫХ САНТА-КЛАУСОВ С КРИВЫМИ ЗУБАМИ И СЛОМАННЫМИ НОГТЯМИ.

Их уже поджидал Абдул, стоя рядом с ржавыми весами. Этот парень находился на более высокой ступени мусорного бизнеса, процветавшего в нищем квартале. Он оценивал и покупал то, что приносили ему «с полей», а прибыль получал от оптовой продажи сортированного мусора небольшим перерабатывающим заводам в нескольких километрах от Аннавади.

Лучше всего в семье Абдула торговалась мать. На мусорщиков, просивших слишком много за свой товар, она обрушивала лавину ругательств. Абдул был скуп на слова и вообще медлителен. В чем он достиг совершенства, так это в сортировке отходов. Навык разделять купленное на более чем шестьдесят разных категорий (бумага, пластик, металл и т. д. и т. п.) был жизненно важным для того, кто хочет выгодно сдать все это на утилизацию.

Тут он проявлял чудеса скорости. Это и неудивительно, ведь Абдул сортировал мусор лет с шести, когда выяснилось, что туберкулез и жизнь среди постоянной вони окончательно испортили легкие отца. Вся моторика мальчика развивалась именно благодаря работе, которую ему приходилось выполнять ежедневно.

— У тебя ведь все равно нет способностей к учебе в школе, — недавно заметил отец. Вообще-то, по мнению Абдула, он недостаточно времени провел